

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-192-203

В. В. Бровкин

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

drakar@ngs.ru

КИНИКИ И ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА

Установлено, что ослабление морально-этического ригоризма в киническом учении в эпоху эллинизма было связано с радикализмом древних киников и невозможностью его дальнейшего сохранения. Также установлено, что в философии киников в эпоху эллинизма проявилось две тенденции: отчуждение индивида от общества и стремление к политической активности. Несмотря на участие отдельных киников в политике, кинизм в эллинистическую эпоху сохранил свой глубоко индивидуалистический характер.

Ключевые слова: кинизм, эпоха эллинизма, морально-этический ригоризм, Диоген, Онесикрит, Бион Борисфенский, Керкид из Мегалополя.

В данной статье мы рассмотрим проблему ослабления морально-этического ригоризма в философии киников в эпоху эллинизма. В науке уже давно сформировалось мнение о смягчении кинического учения в III в. до н. э. Однако существующие в научной литературе объяснения данного феномена являются, на наш взгляд, слабыми и неубедительными. Одним из немногих отечественных исследователей, которые уделили внимание данной проблеме, был Исай Михайлович Нахов. По его мнению, киническое учение в эпоху эллинизма постепенно утратило свой непримиримый характер. В кинизм проникли черты облегченного гедонизма, идеи социального компромисса и частичного примирения с окружающей реальностью. Согласно Нахову, «компромиссный характер среднего кинизма был обусловлен временной стабилизацией рабовладения, дальнейшим развитием

рабства, разложением мелкого свободного производителя, как социального слоя, опустошительными и кровопролитными войнами, усилением нейтралистских тенденций, упадком демократии и установлением политических порядков, жестоко подавлявших любое стремление к свободе» [1982. С. 192]. Незначительное отступление от бескомпромиссных принципов древнего кинизма, как полагает Нахов, было следствием утомленности, разочарованности и апатии масс. Люди устали от непрерывных войн, политической нестабильности и социальной несправедливости. Киники, уловив господствующие настроения в обществе, понимали, что для того, чтобы достигать до людей, быть услышанными народом, необходимо понизить градус морально-этического ригоризма и ослабить радикализм отдельных аспектов учения. Таким образом, согласно Нахову, киники продемонстрировали умение приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни, тем самым обеспечив своему философскому учению известность и востребованность в эллинистическом мире (см.: [Там же. С. 192]).

По мнению Луиса Навии, эллинистический мир характеризовался смешением культур и устойчивым упадком эллинских традиций (см.: [Navia, 1996. P. 146]). Данные обстоятельства породили в кинизме плюрализм мнений, невысказанный для Диогена. Почти у всех представителей эллинистического кинизма традиционные для этого учения идеи перемешались с другими философскими и мировоззренческими представлениями. Прежде всего это касалось таких моментов, как отход от жесткого аскетизма и автаркии, стремление к некоторым удовольствиям и участие в политической деятельности. Так, Онесикрит и Керкид из Мегалополя принимали активное участие в государственных делах. Бион Борисфенский не отказывал себе в чувственных удовольствиях и призывал приспосабливаться к жизненным обстоятельствам. Менипп из Гадары успешно занимался финансовыми делами. Навия так же, как и Нахов, отмечает, что строгость древних киников была нехарактерна для представителей этого учения в эпоху эллинизма. У последних можно обнаружить либо смягчение учения Диогена, либо погружение в другие философские доктрины и образы жизни (см.: [Ibid. P. 150]). Участие отдельных киников эпохи эллинизма в политической деятельности Навия объясняет тем, что они были поставлены в такие условия, которые требовали от них проявления активности. Полное отрицание древними киниками общественно-политических институтов было возможно как раз потому, что они жили в то время, когда эти институты полноценно функционировали. Иначе говоря, сама полисная система и предоставляла возможность ки-

никам ее критиковать. Но когда полисы подверглись разрушению, киники столкнулись с новой реальностью. В этих условиях высокие моральные убеждения подтолкнули некоторых киников отказаться от космополитических идей в пользу служения интересам отдельных правителей и государств (см.: [Ibid. P. 162–163]).

В научной литературе существует еще одна точка зрения, которая объясняет смягчение кинического учения в эпоху эллинизма. Речь идет о такой якобы характерной для кинизма черте, как отсутствие институционального характера. Как отмечает Пьер Адо, кинизм, как и пирронизм, «не организовались в особые школы, у них нет догматов» [1999. С. 115]. Кинизм, по мнению Адо, представлял собой образ жизни, проповедуемый Диогеном. Киники не использовали доказательства для обоснования своего учения. Они вообще не излагали никакого учения: «Сама их жизнь выражает некий смысл и заключает в себе целое учение» [Там же]. Данной точки зрения придерживается и Дональд Дадли, по мнению которого кинизм никогда не был философской школой в строгом смысле (см.: [Dudley, 1937. P. 59]). Навия пишет, что кинизм не являлся монолитным идеологическим движением с четко определенными философскими принципами и догмами. Это было аморфное движение интеллектуального и социального протеста против господствующих в обществе представлений и верований (см.: [Navia, 1996. Preface vii–viii]).

Итак, существует несколько точек зрения, объясняющих смягчение кинического учения в эпоху эллинизма. Но как мы отметили в самом начале статьи, все они имеют слабые места. Рассмотрим их. Если говорить о войнах в эпоху эллинизма, в частности о войнах диадохов, то следует подчеркнуть, что они были не более разрушительными, чем те войны, которые велись в V–IV вв. до н. э. Классическая эпоха в истории Древней Греции была ознаменована нескончаемыми войнами, некоторые из них были очень масштабными, длительными и кровопролитными. Достаточно вспомнить Греко-персидские войны (500–449 гг. до н. э.) и Пелопоннесскую войну (431–404 гг. до н. э.). К числу разрушенных греческих городов в ходе военных действий в эпоху эллинизма можно отнести Фивы (335 г. до н. э.), Мегалополь (223 г. до н. э.), Коринф (146 г. до н. э.). При этом, как отмечает Уильям Дезмонд, в VI–IV вв. до н. э. были разрушены следующие греческие города: Фокея (540 г. до н. э.), Сибарис (510 г. до н. э.), Милет (494 г. до н. э.), Эретрия (490 г. до н. э.), Акрагант (405 г. до н. э.), Платеи (428, 373 гг. до н. э.), Сикион (421 г. до н. э.), Мелос (416 г. до н. э.), Олинф (348 г. до н. э.), Гистийи (446 г. до н. э.), Микалесс (415 г. до н. э.) (см.: [Desmond, 2006. P. 9]). На грани полного уничтожения были Афины

(480 г. до н. э.) и Спарта (362 г. до н. э.). Разграбление городов, убийство побежденных врагов, продажа в рабство мирных жителей, преследование политических противников, расправа над ними, изгнание – всем этим была пронизана история Греции в V–IV вв. до н. э., задолго до завоеваний Александра и войн диадохом. Безусловно, ведение войн в эпоху эллинизма отличалось от предыдущей эпохи. Здесь можно упомянуть о возросшей роли наемников, значительно расширившемся за счет Азии и Африки театре военных действий, повышении роли новых видов войск (боевые слоны) и военной инженерии. Но что касается последствий войн, то нужно признать, что в классическую эпоху они были не менее разрушительными, чем в эпоху эллинизма.

Тезис об упадке демократии, установлении автократических режимов и, как следствие, подавлении свободы также, на наш взгляд, выглядит спорным. Если обратиться к истории Греции в эпоху эллинизма, то выяснится, что многие полисы продолжали пользоваться автономией. Некоторые полисы были вполне самостоятельными. Кроме этого, многие города-государства входили в Ахейскую и Этолийскую федерации, которые в III – начале II в. до н. э. играли весьма заметную роль в Греции. Эллинистические монархии (особенно Македония) активно вмешивались в греческие дела, но максимум, что им удавалось, это установить временную гегемонию над отдельными областями и полисами в Греции. Весьма показательным моментом, характеризующим политическое развитие Греции, является острое противостояние в III в. до н. э. ахейцев, этолийцев, спартанцев как с Македонией, так и друг с другом. Причем борьба греков друг с другом в ряде конфликтов была еще более напряженной, чем противостояние греков с македонянами.

Что касается так называемого упадка демократии, то здесь также все было неоднозначно. С одной стороны, в эпоху эллинизма действительно характерное для V–IV вв. до н. э. противостояние по линии демократия – олигархия значительно ослабло. Афины как центр греческой демократии также отошли на второй план. Но при этом нельзя сказать, что демократические институты и традиции в полисах в эпоху эллинизма полностью утратили свое влияние. О сохранении демократии в Греции говорит тот факт, что выборы и народное голосование оставались важными элементами системы политического управления во многих полисах III–II вв. до н. э. Кроме этого, не стоит забывать о том, что демократия не всегда оказывала благотворное влияние на развитие философии. Именно демократические Афины изгнали Анаксагора и Протагора, осудили на смерть Сократа,

вынудили покинуть город Аристотеля. Ровно об этом говорит и Адо, который подвергает сомнению утверждение о том, что демократический строй был благоприятен для философии (см.: [1999. С. 106]).

Но главное, на наш взгляд, заключается в том, что политическая обстановка в эллинистическом мире не препятствовала развитию греческой философии. Уровень свободомыслия в Греции в эту эпоху оставался высоким. Те же киники свободно распространяли свои взгляды. Появлялись новые философские школы с разными, порой противоположными, учениями. Именно в эпоху эллинизма наиболее громко и остро прозвучала критика в отношении религии. Одним из главных критиков религиозных представлений, наряду с Эпикуром и Феодором Безбожником, был как раз киник Бион Борисфенский. Философские школы в это время никто не ограничивал в деятельности и не закрывал, философов не преследовали и не подвергали судебным разбирательствам. Таким образом, мы полагаем, что политические изменения в эпоху эллинизма не помешали свободному развитию греческой философии.

Представление о том, что смягчение кинического учения в эллинистическую эпоху было связано с тем, что оно было только образом жизни, не имевшим догматов, на наш взгляд, имеет два недостатка. Во-первых, само представление о кинизме как чистом образе жизни является весьма спорным. Мы согласны с Джоном Моулсом, который полагает: «Ошибочно утверждать, что, поскольку кинизм был прежде всего образом жизни, он всегда был терпимым к доктринальному разнообразию» [Moles, 1995. P. 144]. По мнению Моулса, «доктрины первоначального кинизма немногочисленны и просты, но они существовали, были внутренне согласованными и лежали в основе образа жизни» (см.: [Ibid.]).

Во-вторых, и что более важно, образ жизни киников в эпоху эллинизма претерпел серьезные изменения. Основу образа жизни Диогена, Кратета и Монима составляли жесткий аскетизм, бродяжничество, неучастие в общественно-политической деятельности и грубое нарушение всех существующих норм и обычаев. Жизнь самых видных киников в эпоху эллинизма выглядела иначе. Онесикрит помогал Александру в его походах, а позднее был замечен при дворе диадоха Лисимаха. Бион Борисфенский любил роскошную жизнь, предавался различным удовольствиям и поддерживал тесные связи с царем Македонии Антигоном Гонатом. Менипп успешно занимался ростовщичеством. Телет из Мегар был школьным учителем. Керкид из Мегалополя занимал важные посты в своем полисе и Ахейском союзе. Он занимался дипломатической деятельностью (участвовал в перего-

ворах с македонским царем Антигоном Досоном), принимал участие в законотворчестве (написал законы для своего полиса), возглавлял отряд в битве при Селласии в 222 г. до н. э. в составе объединенных ахейско-македонских войск против спартанцев. И только Менедем эпатировал общественность чудаческими выходками, впрочем, довольно безобидными. Хорошо видно, что в образе жизни киники эллинистической эпохи очень сильно отделились от Диогена и Кратета. Как пишет Навия, Онесикрит, находясь под руководством Александра и командуя его флотом, безусловно удивил бы и огорчил своего учителя Диогена (см.: [Navia, 1996. P. 148]). В результате можно сказать, что именно в философских взглядах, а не в образе жизни проявилась преемственность между эллинистическими и древними киниками.

Итак, как мы показали, существующие решения проблемы ослабления морально-этического ригоризма в философии киников в эпоху эллинизма выглядят слабо и неубедительно. Но данная проблема осложняется еще одним обстоятельством. Дело в том, что в отличие от киников во всей остальной греческой философии в эпоху эллинизма наблюдалось как раз усиление морально-этического ригоризма. Идея самодостаточного мудреца, счастье которого не зависит от внешних обстоятельств, получила самое широкое распространение в эллинистической философии. Особым ригоризмом отличалось учение ранних стоиков, которые проповедовали стремление к полной апатии и самодовлению. Как учили стоики, мудрец сохранит счастье даже при пытках. Но сходного мнения придерживались и эпикурейцы. Учение Эпикура отличалось стремлением к самодостаточному существованию, которое достигалось путем самоограничения и внутренней дисциплины. Философское учение Пиррона с его стремлением к полному безразличию к жизни и автаркии также требовало от человека серьезных моральных усилий. Даже в платоновской Академии при Ксенократе и Полеоне проявилась тенденция к усилению этического ригоризма (см.: [Диллон, 2005. С. 192]).

В этих условиях, которые, казалось бы, никак не должны способствовать ослаблению строгого и непреклонного следования морально-этическим принципам, в кинизме происходят неожиданные на первый взгляд изменения. Киническое учение отходит от своих первоначально суровых и бескомпромиссных принципов. Главные киники эллинизма уже не ведут нищенствующий образ жизни, не шокируют общественность возмутительными выходками. Киники приспособляются к социальной реальности, они преподают, зарабатывают деньги и играют по правилам, принятым в обществе. Наиболее емко и точно суть кинического учения в III–I вв. до н. э. передает

фраза Телета, приписываемая Биону: «Приспосабливайся к обстоятельствам, как моряки приспособливают паруса к ветру» [Антология кинизма, 1984. С. 182].

Но самые серьезные изменения, которые произошли в кинизме эллинистического периода, на наш взгляд, касались вопроса об отношении к политической деятельности. Здесь наблюдалась удивительная картина. Полное неприятие политики у древних киников сменилось активным участием в ней отдельных представителей эллинистического кинизма. Откровенно негативное отношение к политикам и государственным делам у древних киников основывалось на противопоставлении закона природе. В государстве и законах древние киники видели искусственные установления, которые портят человека и ограничивают его свободу. Поэтому они выступали против какого-либо взаимодействия с властями и участия в политической деятельности. Как сообщается, Диоген «меньше всего считался с законами государства, предпочитая им законы природы» [Там же. С. 79]. Но с наступлением новой исторической эпохи в кинизм проникли нехарактерные для него идеи. На примере Кратета и Онесикрита мы видим двух учеников Диогена, взгляды которых на политическую деятельность кардинально разошлись. Сложно представить более пренебрежительное отношение к политике и государству, чем то, которое продемонстрировал Кратет в одном эпизоде. Когда Александр разрушил родной город Кратета Фивы и спросил у него, хочет ли он, чтобы город восстановили, философ ответил: «Зачем? Какой-нибудь новый Александр возьмет и разрушит его опять» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 243]. Онесикрит почти в это же самое время сопровождал Александра в его завоевательных походах в качестве придворного историка, царского посла и флотоводца (см.: [Плутарх, 1963. С. 442–443]). При этом Плутарх прямо называет Онесикрита «философом из школы киника Диогена» [Там же. С. 442]. Еще в одном фрагменте Кратет называет военачальников погонщиками ослов (см.: [Диоген Лаэртский, 1986. С. 243]). Но спустя сто лет другой киник Керкид из Мегалополя уже сам оказывается в роли «погонщика», возглавляя отряд в битве при Селласии. К сожалению, источники не дают нам объяснения того, каким образом у киников эллинистического периода уживались их кинические убеждения с активным участием в политической деятельности.

Может сложиться впечатление, что от древнего кинизма в эпоху эллинизма ничего не осталось. Но в действительности это не так. В новую историческую эпоху киники продолжали в едкой и насме-

шливой форме критиковать человеческие и общественные пороки. В своих выступлениях и сочинениях они остро обличали социальную несправедливость и неравенство. В этом плане эллинистические киники шли в русле своих предшественников. При этом кинизм не стоял на месте и продолжал развиваться. В частности, заслуга представителей кинизма III в. до н. э. заключается в создании и популяризации новых жанров в философии – диатрибы, пародии и сатиры (см.: [Нахов, 1982. С. 195–197]). И во всех этих произведениях киники критиковали и высмеивали социальную действительность. Таким образом, можно констатировать, что в эллинистическом кинизме прослеживались две тенденции. К традиционной для этого философского направления тенденции к отчуждению индивида от общества присоединилась тенденция к политической активности.

Но в целом мы видим, что ситуация вокруг проблемы смягчения кинического учения в эпоху эллинизма остается сложной и запутанной. В заключительной части статьи мы попытаемся дать свое решение данной проблемы. На наш взгляд, объяснение ослабления морально-этического ригоризма киников в эллинистическую эпоху кроется в изначальном радикализме этого учения. Во взглядах и поведении Диогена, Кратета и Монима кинизм достиг своего предельного радикализма. Диоген стал символом кинической философии. Ему принадлежит заслуга в создании той версии кинизма, которая станет каноничной для всех последующих киников и кинизирующих писателей. Как отмечает Моулс, на протяжении всех периодов античной философии Диоген выступал в качестве главного «стандарта» кинизма (см.: [Moles, 1995. P. 144]). В лице Диогена философия киников приобрела своего самого бескомпромиссного и радикального представителя. Очевидно, что дальнейшая радикализация кинического учения после Диогена была уже невозможна.

Как чисто морально-этическое учение кинизм после своих основоположников мог развиваться только в двух направлениях. Это могло быть либо смягчение первоначальной версии кинизма, либо ее сохранение. Правомерным является вопрос: почему первоначальная версия кинизма не смогла сохраниться? Что послужило причиной того, что учение древних киников в эпоху эллинизма частично утратило свой бескомпромиссный и непримиримый характер? На наш взгляд, сохраниться в первоизданном виде учению киников было не суждено по той причине, что оно было слишком жестким и требовательным. От человека, желающего стать киником, это учение требовало очень много усилий. Необходимо было полностью порвать со всей

своей прежней жизнью. Необходимо было отказаться от всех материальных благ, порвать со всеми связями, в том числе с родными и близкими, решительно отказаться от всех общественных установлений и даже от элементарных рамок приличия. Это учение требовало вести нищенствующий образ жизни и мужественно переносить все страдания и невзгоды. Идти по пути древнего киника означало добровольно принять судьбу изгоя. На наш взгляд, в таком виде, это учение не могло долго просуществовать. Весьма показательным является общественное восприятие древних киников. Так, сообщается, что Платон якобы назвал Диогена «безумствующим Сократом» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 230]. А бывший хозяин Монима, наблюдая за тем, как тот стал вести образ жизни Диогена и Кратета, «все больше убеждался в его безумии» [Там же. С. 240]. Еще одним ярким примером может служить история с Зеноном Китийским, который приходился учеником Кратету. Как пишет Диоген Лаэртский, Зенон «при всей своей приверженности к философии был слишком скромным для кинического бесстыдства», поэтому в конечном счете покинул Кратета [Там же. С. 248]. И это тот самый Зенон, который станет основателем Стои с ее очень строгим и суровым морально-этическим учением. Но даже для Зенона, как мы видим, кинизм оказался слишком радикальным учением.

В пользу версии о том, что киническое учение не смогло бы долго просуществовать в своем первоначальном виде, говорит такой факт, что и другие философские учения, отличавшиеся морально-этическим ригоризмом, со временем также отчасти утратили свой суровый и непреклонный характер. Это хорошо заметно на примере стоиков. Морально-этический ригоризм ранних стоиков уступил место компромиссу в ряде важнейших вопросов у средних стоиков (см.: [Столяров, 1995. С. 257–259]). Похожую картину можно наблюдать и в пирронизме. Образ жизни Пиррона поражал современников своей последовательностью в проявлении полного безразличия к жизни. Но в возрожденном пирронизме уже не осталось места для подобного поведения. В повседневной жизни неопирроники отказались от полного безразличия в пользу предпочтения того, что соответствует законам и обычаям.

Таким образом, сохраниться учению древних киников в первоначальном виде мешал его радикальный характер. Соответственно, дальнейшее развитие кинизма могло проходить только в одном направлении: в постепенном смягчении морально-этического ригоризма. Как мы знаем, именно в этом направлении философия киников и развивалась в эпоху эллинизма. Смягчение кинизма наиболее за-

метно проявилось в участии отдельных киников в политике. На наш взгляд, это говорит о появлении в кинизме такой нехарактерной для него тенденции, как стремление к политической активности. Но, несмотря на это, тенденция к отчуждению индивида от общества в философии киников осталась господствующей.

Список литературы

- Адо П.* Что такое античная философия? М.: Гуманит. лит., 1999.
- Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион. М.: Наука, 1984.
- Диллон Дж.* Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.
- Нахов И. М.* Философия киников. М.: Наука, 1982.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: В 3 т. М.: АН СССР, 1963. Т. 2.
- Столяров А. А.* Стоя и стоицизм. М.: Изд-во АО «Ками Групп», 1995.
- Navia L. E.* Classical cynicism: a critical study. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1996.
- Dudley D. R.* A History of Cynicism. From Diogenes to the 6th Century A. D. London: Methuen and Company Limited, 1937.
- Desmond W. D.* The Greek Praise of Poverty: Origins of Ancient Cynicism. Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 2006.
- Moles J. L.* The Cynics and politics // Justice and Generosity: Studies in Hellenistic Social and Political Philosophy: Proceedings of the Sixth Symposium Hellenisticum / Eds. A. Laks, M. Schofield. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 129–158.

V. V. Brovkin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

drakar@ngs.ru

CYNICS AND THE HELLENISTIC ERA

It is established that the weakening of moral and ethical rigorism in the cynical doctrine in the Hellenistic era was associated with the radicalism of the ancient Cynics and the impossibility of its further preservation. It is also shown that in the philosophy of the Cynics in the Hellenistic era, two tendencies emerged: the alienation of the individual from society and the desire for political activity. Despite the involvement of individual Cynics in politics, Cynicism in the Hellenistic era retained its deeply individualistic character.

Keywords: cynicism, Hellenistic era, moral and ethical rigorism, Diogenes, Onesicritus, Bion, Cercidas.

References

Ado P. *Chto takoe antichnaya filosofiya?* [*Qu'est-ce que la philosophie antique*]. Moscow, Gumanitarnaya literatura, 1999. (In Russ.)

Antologiya kinizma. Antisfen. Diogen. Kratet. Kerkid. Dion [*Anthology of Cynicism*]. Moscow, Nauka, 1984. (In Russ.)

Desmond W. D. *The Greek Praise of Poverty: Origins of Ancient Cynicism*. Indiana, Univ. of Notre Dame Press, 2006.

Dillon J. *Nasledniki Platona: Issledovanie istorii Drevnei Akademii* [*The Heirs of Plato. A Study of the Old Academy (347–274 B. c.)*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo St. Petersburg's un-ta, 2005. (In Russ.)

Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [*Lives of Eminent Philosophers*], Moscow, Mysl' Publ., 1986. (In Russ.)

Dudley D. R. *A History of Cynicism. From Diogenes to the 6th Century A.D.* London, Methuen and Company Limited, 1937.

Moles J. L. The Cynics and politics. *Justice and Generosity: Studies in Hellenistic Social and Political Philosophy: Proceedings of the Sixth Symposium Hellenisticum*. A. Laks, M. Schofield (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1995, p. 129–158.

Nakhov I. M. *Filosofiya kinikov* [*Philosophy of Cynics*]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.)

Navia L. E. *Classical cynicism: a critical study*. Westport, Connecticut, Greenwood Press, 1996.

Plutarkh. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [*Parallel Lives*]: In 3 vols. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1963, vol. 2. (In Russ.)

Stolyarov A. A. *Stoya i stoitsizm* [*Stoa and Stoicism*]. Moscow, «Kamigrupp» Publ., 1995. (In Russ.)